

С. Г. Воркачев

Краснодар, Россия

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

АННОТАЦИЯ. На материале русской лексикографии исследуется семантическое представление познавательной способности, показывается, что в семантике производных от имен «ум», «глупость», «мудрость» и «хитрость», наблюдается этнокультурное обращение аксиологического знака.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: познавательная способность; интеллект; ум; глупость; мудрость; хитрость.

Сведения об авторе: Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета.

Адрес: 350072, г. Краснодар, ул. Московская. 2.

E-mail: svork@mail.ru; svork@kubstu.ru.

S. G. Vorkachev

Krasnodar, Russia

INTELLECTUAL ABILITY IN LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION

ABSTRACT. The semantic representation of intellectual ability on the material of Russian lexicography is studied, it is demonstrated that in the semantics of the derivatives of the names "wits", "stupidity", "wisdom" and "cunning" axiological inversion is observed.

KEY WORDS. intellectual ability; intellect; wits; stupidity; wisdom; cunning.

About the author: Vorkachev Segey Grigorievich, Doctor of Philology, Professor, Professor of Scientific-Tech Translation Department of Kuban State Technological University.

На сегодняшний день можно считать установленным фактом, что «мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [Щерба 1974: 69]. «На всех словах – события печать»: картина мира, отраженная в языке, с наибольшей полнотой представлена, безусловно, в лексической системе этого языка, аккумулирующей взгляды на мир его носителей, их установки и оценки, стереотипы и предрассудки.

Если рассматривать интеллект как лингвокультурный концепт, то его понятийная составляющая будет включать в себя, прежде всего, все то, что в логике называют содержанием понятия: совокупность общих и существенных признаков класса объектов, представленных в сознании рационально и позволяющих последнему отделить этот класс от других видовых классов внутри соответствующей родовой области (см.: [Воркачев 2011: 67; Карасик 2004: 128–129]), а также дополнительные, энциклопедические признаки, значимые для национального сознания и образующие «понятие» в наивной картине мира носителей этнического языка.

Как установлено, понятийная составляющая лингвокультурного концепта формируется, с одной стороны, из семантики членов лексического ряда, посредством которых вербализуется этот концепт, и может быть извлечена из их словарных толкований, с другой же, на наполнение понятийной составляющей влияет и «обработанный продукт» – дефиниции, содержащиеся в научных текстах: монографиях, статьях, отраслевых терминологических словарях (см.: [Воркачев 2013: 110]).

Интеллект – это одно из имен познавательной способности человека: в широком смысле способности к пониманию, обучению и решению практических и теоретических задач (см.: [НФС 1998: 269]).

При аксиологическом рассмотрении познавательной способности логическая «формула интеллекта» принимает вид «субъект оценки, оператор(ы) оценки, протагонист (носитель познавательной способности) оценки, объект познания, основание оценки, обоснование оценки» (см.: [Воркачев 2011а: 274]): «А считает, что В способен к познанию С, потому что D». В аксиологической формуле интеллекта специфические видовые и дополнительные признаки познавательной способности занимают место обоснования оценки: «X обладает интеллектом (умен), потому что он 1) быстро приобретает новые знания и умения; 2) логично мыслит; 3) легко преодолевает неожиданные препятствия; 4) находит выход из нестандартной ситуации; 5) адаптируется к сложной, меняющейся, незнакомой среде; 6) принимает рационально обоснованные решения; 7) формулирует цели и контролирует деятельность по их достижению; 8) адекватно оценивает ситуации, возникающие в окружающем мире; 9) понятно и логично излагает свои мысли; 10) креативен; 11) эрудирован и опытен; 12) успешно оценивает и прогнозирует поведение людей и т. д.».

Интеллект как единое целое, образуется взаимодействием нескольких частных познавательных способностей – факторов, которые можно разделить на источники интеллекта (причины) и его условия (см., например: [Татаркевич 1981: 141–156]). Источники – это идеальные объекты, заполняющие место обоснования оценки, наличие которых позволяет субъекту считать, что протагонист обладает интеллектом, условия – это те свойства, которые сами по себе человека умным не делают, но без которых считать его таковым невозможно или затруднительно. Тогда в число факторов-причин попадают сообразительность, обучаемость, логичность, интуиция, креативность, адаптивность, четкость мысли, умение прогнозировать, умение формулировать свои мысли и пр., а в число факторов-условий – память, воображение, наблюдательность, внимание, эрудиция, опыт и пр.

Представления об интеллекте изначально аксиологичны: обладание им всегда хорошо, а отсутствие оно всегда плохо. Однако аксиологичность эта неоднородна и многомерна – в ней можно выделить, как минимум, два ряда оценок: оценку прагматическую, утилитарную как способности, обеспечивающей выживание и преуспевание индивида (ум-глупость), и оценку этическую, отражающую направленность познавательной способности на выживание и благополучие человеческого рода в целом (мудрость-хитрость). И если в научном дискурсе представлены лишь ум-глупость и мудрость, то в языковом сознании эта триада дополняется хитростью.

Лексикографическое представление смыслов «ум», «глупость», «мудрость» и «хитрость», образующих вершины «аксиологического квадрата», анализируется по таким параметрам, как: лексический состав, частотность, этимология, синонимика, словарные толкования, ассоциативные связи.

УМ-ИНТЕЛЛЕКТ

В паре «ум-интеллект», передающей вместе со своими производными («умный», «умник», «умница», «разум», «разумный», «умничать», «умствовать», «интеллектуал», «интеллектуальный», «интеллигент», «интеллигентия», «интеллигентный», «интеллигентский» и пр.) познавательную способность в наиболее общем виде, по частоте речевого употребления, безусловно, главенствует первый член – «ум» с частотой 162.43 ipm и рангом 630 при частоте 10.76 ipm и ранге 8047 для «интеллекта» (см.: *Шаров).

При отсутствии надежной этимологии у «ума» (см.: [Шанский-Боброва 2000: 334]) наиболее вероятной представляется версия его происхождения от индо-европейского корня «*ai» со значением чувственного восприятия (см.: [Семенов 2004: 371; Фасмер 2003, т. 5: 161; Черных 1999, т. 2: 289–290]). В этом случае «интеллект», «внутренняя форма» которого для носителей русского языка не существует, в своем происхождении повторяет семантическую модель «ума»: от чувственного восприятия к восприятию абстрактному – пониманию (см.: [Черных 1999, т. 1: 351–352]), а «ум» и «интеллект» в определенном смысле представляют собой этимологические дублеты.

Синонимические ряды имен познавательной способности (субстантивный и адъективный) по данным русских синонимических словарей, вполне представительны, особенно адъективный, и в достаточной мере произвольны: «ум, разум, рассудок, смысл, догадливость, догадка, сметка, гений» [*Абрамов]; «ум, мудрость, гениальность, сообразительность, догадливость, находчивость, изобретательность, смекалка, сметливость» [Шушков 2008: 802–803]; «ум, интеллект, разум, рассудок» [Евгеньева 2001, т. 2: 613; НОССРЯ 2004: 1203]; «ум, умственные (или мыслительные) способности, интеллект, рассудок, разум, голова, толк, мозги, разумение, смысл» [Александрова 1986: 559]; «умный, разумный, благоразумный, понятливый, рассудительный, смысленный, толковый, мудрый, мыслящий, здравомыслящий» [*Абрамов]; «умный, неглупый, мудрый, толковый, разумный, башковитый, мозговитый, головастый, умственный» [Евгеньева 2001а: 605]; «умный, неглупый, смысленный, мудрый, глубокий, пронизательный, прозорливый» [НОССРЯ 2004: 1206]; «умный, толковый, с головой, семи пядей во лбу, ума палата, интеллектуальный, мудрый, гениальный, голова варит, умница, умник, светлая голова, интеллектуал, мудрец, гений, сообразительный, понятливый, догадливый, находчивый, изобретательный, хитрый, сметливый, смекалистый» [Шушков 2008: 801–803]; «умный, мудрый, башковитый, мозговитый, премудрый, вещей, с головой, семи пядей во лбу» [Александрова 1986: 561].

Тем не менее, в качестве ядерных единиц, передающих общую познавательную способность в единстве её основных модусов реализации «понимание-мышление-обучение» («способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» – [Кузнецов 1998: 1385]; «способность быстро думать, легко изучать и понимать трудные вещи» – [Шушков 2008: 801]), выступают лексемы «ум, разум, рассудок, интеллект», где место доминанты – лексической единицы, выделяемой на основании таких признаков, как частотность, стилистическая нейтральность, многозначность и уплотненность в качестве семантического множителя при лексикографическом описании (подробнее см.: [Воркачев 2011а: 31]), – выступает, конечно, «ум» – «общее название познавательной и заключительной способности человека» [Даль 1998, т. 3: 494], «основное слово для выражения значения» [Евгеньева 2001, т. 2: 613].

Наблюдения над словарными толкованиями ядерных лексем познавательной способности дают основания говорить об определенной степени «семантического примитивизма» самого этого понятия (о семантических примитивах см.: [Воркачев 2011а: 15]) – «ум, разум, рассудок, интеллект» толкуются, как правило, друг через друга либо через какой-либо из частных модусов реализации познавательной способности: «интеллект – мыслительная способность; ум, рассудок, разум» [ССРЛЯ, т. 5: 386]; «ум – мыслительная способность, лежащая в основе сознательной, разумной деятельности» [СРЯ, т. 4: 488]; «рассудок – способность логически мыслить, рассуждать; разум» [ССРЛЯ, т. 12: 853]; «ум – способность человека мыслить, отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях; разум» [ССРЛЯ, т. 16: 567]; «интеллект – мыслительные способности человека, разум» [СРЯ, т. 1: 671]; «разум – 1) познавательная деятельность человека, способность логически и творчески мыслить; 2) ум, интеллект, рассудок» [СРЯ, т. 3: 633]; «рассудок – способность логически мыслить, рассуждать, осмыслять действительность, ум, сознание» [СРЯ, т. 3: 669]; «интеллект – ум, рассудок, мыслительная способность у человека» [Ушаков 2000, т. 1: 1214]; «рассудок – мыслительная способность, позволяющая логически осмыслять действительность, то же, что разум» [Ушаков 2000, т. 3: 1265]; «разум – познавательная деятельность человека, способность мыслить; ум, интеллект, рассудок» [Кузнецов 1998: 1082]; «рассудок – способность логически мыслить, рассуждать, осмыслять действительность; ум, сознание, разум» [Кузнецов 1998: 1099]; «ум – способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» [Кузнецов 1998: 1385].

Однако лексикографически ядерные имена познавательной способности относительно легко разводятся как частичные синонимы по характеристикам их речевого употребления, основными из которых являются 1) возможность обозначать некий виртуальный орган мышления – если воспользоваться компьютерной метафорой – аналог программного обеспечения, «софта», где «ум, разум и рассудок» – это и способность познания, и её невидимый орган, а «интеллект» – только способность; 2) идущее, возможно, из философской традиции ценностное деление объекта познания, где «разум» ассоциируется с высшим знанием, «рассудок» – с обыденным; 3) семантический разряд носителя познавательной способности, когда «ум», «разум» и «интеллект» могут относиться и к животным, а «рассудок» только к людям (см.: [НОССРЯ 2004: 1203]).

Что касается дефинирования, то в толкованиях этих ядерных имен в подавляющем большинстве случаев представлен ближайший родовый признак – «способность»: «мыслительная способность», «способность человека мыслить», «способность логически и творчески мыслить», «способность к рассуждению», «способность к мыслительной деятельности [ССРЛЯ, т. 5: 386; т. 16: 567; СРЯ, т. 1: 671; т. 3: 669; т. 4: 488; Ушаков 2000, т. 1: 1214; т. 3: 1265; Кузнецов 1998: 1082; 1099; 1385; Ожегов 1953: 219, 601, 611, 769; Ожегов-Шведова 1998: 249, 655, 665, 832]. И только в словаре Владимира Даля разум категориально толкуется метафорически как «духовная сила» [Даль 1998, т. 4: 53].

Видовые, дифференциальные признаки «акциональность» и «когнитивность», которые позволяют отделить познавательную способность от ближайших способностей – эмоциональной и волевой, в словарных толкованиях ядерных имен интеллекта передаются либо напрямую, через «познание/постижение» («высшая ступень познавательной деятельности человека» – [Ожегов 1953: 601; ССРЛЯ, т. 12: 530; Ушаков; Ефремова 2001, т. 2: 452]; «познавательная деятельность человека» – [СРЯ, т. 3: 633; Кузнецов 1998: 1082]; «духовная сила, могущая ... постигать, познавать» – [Даль 1998, т. 4: 53]), либо через имена своих базовых модусов реализации «понимание-мышление-обучение» («способность мыслить, понимать» – [ССРЛЯ, т. 12: 530]; «способность человека мыслить, отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях – [ССРЛЯ, т. 16: 567]; «мыслительные способности человека» – [СРЯ, т. 1: 671]; «способность логически мыслить, постигая смысл и связь явлений» – [Ушаков 2000, т. 3: 1204]; «способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-л.» – [Кузнецов 1998: 1385]; «способность человека думать и понимать» – [НОССРЯ 2004: 1203]; «способность быстро думать, легко изучать и понимать трудные вещи» – [Шушков 2008: 801]).

Модус «понимания» иногда толкуется через свой результат – смысл: «способность осмысливать (окружающую) действительность» [ССРЛЯ, т. 12: 530; Кузнецов 1998: 1099]; «способность логически мыслить, постигая смысл и связь явлений» [Ушаков 2000, т. 3: 1204].

Из числа дополнительных семантических признаков познавательной способности, которые могут занимать место обоснования оценки в аксиологической формуле интеллекта, в лексикографии встречается, прежде всего, логика («способность логически мыслить» – [ССРЛЯ, т. 12: 530; СРЯ, т. 3: 633; Ушаков 2000, т. 3: 1204; Кузнецов 1998: 1385]; «духовная сила, могущая ... заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей» – [Даль 1998, т. 3: 53]; «способность человека ... отражать объективную действительность в представлениях, понятиях, суждениях» – [ССРЛЯ, т. 16: 567]), память («духовная сила, могущая помнить» – [Даль 1998, т. 4: 53]) и творчество («способность ... творчески мыслить» – [Ефремова 2001, т. 2: 452; Ожегов 1953: 601; Ожегов-Шведова 1998: 654; СРЯ, т. 3: 633]).

Дополнительные признаки отправляют к характеристике познавательной способности через отсылку к такой предметной области помимо собственно теоретической деятельности, как практика: «сообразительный и его синонимы указывают на свойства личности, непосредственно проявляющиеся в конкретных ситуациях повседневной жизни» [НОССРЯ 2004: 1206]; «способность человека быстро соображать, находить правильное решение – сообразительность, догадливость, находчивость, изобретательность, смекалка, сметливость» [Шушков 2008: 802]. Сюда можно еще добавить «дошлый» и «ушлый» в качестве характеристики умственных качеств личности.

Эти признаки могут также отправлять к параметрическим (измеряемым) качествам мыслительных процессов и операций – скорости и глубине: «слова, характеризующие человека, его ум, благодаря которому он быстро и легко понимает что-либо – острый, пронизательный, тонкий» [Шушков 2008: 802]; «прилагательное глубокий характеризует высшие проявления интеллектуальной способности человека, масштабные интеллектуальные достижения, доступные немногим, обнаружение подлинной сути вещей» [НОССРЯ 2004: 1209].

И, наконец, «догадливость, догадка» [*Абрамов] характеризуют преимущественно интуитивный характер понимания, а «проницательность-прозорливость» – «способность человека ... понимать суть какого-либо явления, когда внешне она недостаточно проявлена или когда её внешние проявления вводят в заблуждение» [НОССРЯ 2004: 1209].

Что касается деления факторов интеллекта на причины и условия, то из числа факторов-причин в лексикографии фиксируются сообразительность, обучаемость, логичность, интуиция, креативность, а из числа факторов-условий – только память.

Обладание познавательной способностью «по умолчанию» – положительно оцениваемое свойство личности, поскольку эта способность представляет собой главное оружие в межвидовой и внутривидовой борьбе за выживание и благополучие. Тем не менее, в лексической системе языка в семантике производных от её ядерных

имен наблюдается этнокультурное обращение аксиологического знака, обусловленное историческими и социальными причинами.

Так, помимо интеллекта в толковых словарях представлено еще несколько этимологических производных от латинского глагола *intelligere* – «ощущать, воспринимать»; «познавать, узнавать»; «мыслить»; «знать толк, разбираться» (см.: [Дворецкий 1949: 467]): «интеллектуальный», «интеллектуал», «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный», «интеллигентский» и пр. Все они предметно относятся к людям образованным, культурным, занимающимся умственным трудом: «*интеллектуал* – человек, живущий духовными интересами или занимающийся высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности» [СРЯ, т. 1: 671]; «*интеллектуальный* – умственный, духовный; с высоко развитым интеллектом» [Ожегов 1953: 219]; «*интеллигенция* – социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом» [СРЯ, т. 1: 671] и пр.

Однако при однозначно положительной характеристике «интеллектуала» и «интеллектуального» в семантике «интеллигента» и производного от него прилагательного «интеллигентский» довольно неожиданно возникают отрицательные коннотации, связанные с общим отношением к интеллигенции в советский период, идущим в том числе и от нелицеприятного мнения о ней вождя мирового пролетариата (см.: [Ленин 1970, т. 51: 134–135]) и зафиксированные в толковой части лишь словаря Д. Н. Ушакова: «*интеллигент* – 1. Лицо, принадлежащее к интеллигенции. 2. То же, как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.)»; «*интеллигентский* (презрит.) – свойственный интеллигенту (во 2 знач.)». В Малом академическом словаре отрицательные коннотации лексемы «интеллигентский» спрятаны в иллюстративной части: «*интеллигентский* – свойственный интеллигенту (обычно о свойствах старой, буржуазной интеллигенции)» [СРЯ, т. 1: 671]

Частично и достаточно специфически аксиологический знак обращается и в производных от основы «(раз)ум-»: «умница», «(раз)умник», «разумщик» (уст.), «умствовывать», «умничать». «Разумник» и «умница» в бытовом общении используются для одобрения хорошего поведения детей: «*умник, умница* – о дитяти: послушный, не шаловливый» [Даль 1998, т. 3: 496]; «*разумник* – разг. умник (обычно о детях) благоразумный, рассудительный человек [СРЯ, т. 3: 634]; «*умник* – рассудительный и послушный ребенок» [Ушаков 2000, т. 4: 944; Ефремова 2001, т. 2: 855]. Однако «умник» в приложении к взрослому человеку в большинстве случаев принимает отрицательные, иронические коннотации и указывает на осуждаемое в русской культуре стремление интеллектуально выделиться, выглядеть «умнее всех», «образованность свою показать»: «ирон. о том, кто умничает, считает себя очень умным, старается казаться умным» [ССРЛЯ, т. 5: 614–615]; «умничающий, старающийся выказать свой ум человек (ирон.)» [Ушаков 2000, т. 4: 944]; «тот, кто умничает, стараясь показать свой ум (обычно с оттенком иронии)» [Ефремова 2001, т. 2: 855]; «человек, который умничает, старается выказать свой ум (ирон., пренебр.)» [Ожегов 1953: 770]. Устаревшее и зафиксированное только в словаре В. Даля «разумщик» – это «мнимый разумник, пересудчик, краснойбай и пустобай» [Даль 1998, т. 3: 496].

Отрицательные коннотации однозначно фиксируются в семантике глагола «(раз)умничать»: «*разумничать* – умничать, считать себя разумником, умнее всех, толковать или делать что превратно, по своему разуму» [Даль 1998, т. 3: 53]; «*умничать* – считая себя умнее других, пересудачивать мнения, распоряжения их, а на деле, переиначивать все посвоему; перехитрить в деле, исказить его по самоуверенности; мудрствовать» [Даль 1998, т. 3: 496]; «*умничать*. Разг. Обычно с оттенком неодобрения. 1. Стараться показать себя очень умным, глубокомысленным. 2. Нарочито, неоправданно усложнять, запутывать что-либо; мудрить» [ССРЛЯ, т. 5: 614–615]; «*умничать*. Неодобр. 1. Стараться высказать свой ум в разговорах, в рассуждениях. 2. Поступать по-своему, считая себя умнее других» [Кузнецов 1998: 1387]; «*умничать* – 1) Говорить, стараясь показать свой ум (обычно с оттенком иронии); 2) Поступать по-своему, мудрить, считая себя умнее других» [Ефремова 2001, т. 2: 855].

Устаревший глагол «умствовать», толкуемый в словаре В. Даля как «мыслить, размышлять, думать, обдумывать, соображать в уме, в мыслях, думою, выводя заключения; философствовать; мечтать» [Даль 1998, т. 3: 496], в современном языке употребляется преимущественно уничижительно: «размышлять, действовать, пускаясь в ненужные или слишком отвлеченные рассуждения, мудрить (разг. неодобр.)» [Ушаков 2000, т. 4: 947; Кузнецов 1998: 1388; СРЯ, т. 4: 495]; «умствование (неодобр.). Ненужное или крайне отвлеченное рассуждение» [Ожегов 1953: 770–771].

Эмоциональность, «душевность», как известно (см.: [Вежбицкая 1997: 34]), представляются отличительными чертами русского национального характера, и поэтому появление отрицательных коннотаций в семантике такой производной от «рассудка» лексемы, как «рассудочный», в отличие от «рассудительный», выглядит вполне ожидаемым: «полученный одной деятельностью рассудка, отвлеченным путем, без учета практической жизни; отличающийся преобладанием рассудка над чувством» [ССРЛЯ, т. 12: 853]; «основанный на отвлеченных рассуждениях, одной лишь деятельности рассудка, без учета практики, жизни; такой, в котором преобладает рассудок над чувством» [СРЯ, т. 3: 669]; «добытый, полученный одною лишь деятельностью рассудка, отвлеченным путем; отличающийся преобладанием рассудка, освобожденный от влияния чувства, сухой» [Ушаков 2000, т. 3: 1265].

ГЛУПОСТЬ-ДУРЬ

В языке «глупость» – антоним к «уму», однако логически понятие интеллекта как психологического качества личности по полноте признаков контрарно противостоит его отсутствию – безумию, и в этой оппозиции двух

противоположных понятий глупость занимает место третьего – «среднего члена». В категориальном оформлении глупости с необходимостью присутствует представление о норме и её границах: если ум – это нормативно средний или высокий уровень обладания познавательной способностью, то глупость – нижняя граница нормы подобного обладания и большинство лексических единиц, синонимизирующих глупость, «описывают нормальных, не больных рассудком людей» [НОССРЯ 2004: 213]. Еще одной особенностью глупости выступает апофатичность и антонимичность её семантического представления: глупость – это «не-ум» и всегда низкая степень обладания специфическими интеллектуальными способностями.

В полном соответствии с законом аксиологической асимметрии в лексике в пользу минуса (см.: [Вольф 1985: 19–21]) число языковых показателей глупости, зафиксированных в лексикографии, превышает где-то в два раза (если не в три или больше) число показателей ума (см., например: [*Абрамов]), и это без учета инвектив, производных от нелитературного экспрессивного эквивалента «дурака», представленного лишь в словаре С. А. Кузнецова [Кузнецов 1998: 561].

В весьма длинном ряду лексем, характеризующих человеческую глупость («глупый, глупец, глупыш, дурак, дуралей, дурачок, дурень, простофиля, болван, бревно, дубина, пень; балбес, оболтус, олух, остолоп, телепень, тупица, фалалей, фоган, межеумок, баран; безумный, безрассудный, бестолковый, бестолочь, безмозглый, безголовый, крепкоголовый, пустоголовый, непонятливый, тупой, несмышленный, недогадливый, неразумный, недалекий, ограниченный, простоватый, полоумный, придурковатый, придурок, полудурок, слабоумный, скудоумный; дурачина, дерево, идиот, глупенький, осел; балда, обалдуй, недоумок, дебил, идиот, кретин; малоумный, дурной, слабоголовый; неумный, дуб, чурбан» и пр. – см.: [*Абрамов; Евгеньева 2001, т. 1: 234, 313; Евгеньева 2001а: 103, 131; Шушков 2008: 115–117]) вполне определенно выделяется доминантное ядро, представленное основами «глуп-» и «дур-».

Что касается происхождения ядерных лексических показателей глупости, то их этимология, как и этимология «ума», остается в достаточной степени неясной, однако наиболее объяснительной представляется версия происхождения основы «глуп-» от корня *gluch-b с исходным значением «глухой» → «непонимающий» (см.: [Фасмер 2003, т. 1: 416; Черных 1999, т. 1: 192; Шанский-Боброва 2000: 57]), тем более что подобная модель развития значения повторяется и в немецком языке (dumm – «глухой» и «глупый» – [Черных 1999, т. 1: 192]), и в латыни (absurdus – «абсурдный» от ab + surdus – «глухой» – [Шанский-Боброва 2000: 5]), а основы «дур-» – от корня durti – «кольнуть», «ткнуть» при исходном значении «ужаленный, искусанный», затем – «бешенный, сумасшедший, больной» (от укуса и т. д.), и далее – «дурной, глупый» (см.: [Черных 1999, т. 1: 274; Шанский-Боброва 2000: 79]).

В синонимических словарях ядерные лексические показатели дефицита познавательной способности разводятся лишь по степени: если «глупый» – это «не обладающий достаточным умом», то «дурак» – «совсем глупый человек» (см.: [Евгеньева 2001а: 103, 131]).

Все прочие показатели дефицита интеллекта, в которых более или менее просматривается «внутренняя форма», образуются, прежде всего, с помощью префиксального отрицания как познавательной способности вообще, так и её модусных и частных проявлений: «неумный, неразумный, скудоумный, малоумный, недоумок, безрассудный, непонятливый, несмышленный, бестолковый, недогадливый». Столь же часто эти показатели образуются путем метафорического переноса – отождествлением глупости с твердостью материала, тупостью инструмента, недостаточностью кругозора либо отождествлением человека с неразумными животными: «бревно, дубина, пень, дуб, чурбан, тупой, тупица, тупоголовый, баран, осел, ограниченный, недалекий», несколько реже – путем переноса метонимического, когда отсутствие интеллекта отождествляется с пустотой его носителя: «безмозглый, безголовый, пустоголовый, полоумный». И, наконец, дефицит интеллекта может гиперболизироваться – отождествляться с его полным отсутствием («полоумный») преимущественно через заимствование терминологической психиатрической лексики: «безумный, слабоумный, идиот, кретин».

Если ум – это способность к познавательной деятельности, то глупость – низкая степень таковой, и сам этот родовой признак иногда появляется в словарных толкованиях: «глупый – с очень слабыми/ограниченными умственными способностями» [Ушаков 2000, т. 1: 574; Ожегов 1953: 112–113].

Видовые признаки глупости в словарных толкованиях ядерных имен дефицита интеллекта передаются либо напрямую, через «холическое» (префиксальное либо лексическое) отрицание ума («неумный, неразумный, скудоумный, безрассудный, нерассудливый, не обнаруживающий ума, умственно ограниченный» и пр.), либо через отрицание базовых модусов его реализации – понимания и мышления («непонятливый, несообразительный, лишенный сообразительности» и пр.).

Глупость на фоне своего положительного противочлена представлена в словарных толкованиях несколько иным набором дополнительных семантических признаков, которые могут выступать в качестве обоснования недостаточности познавательной способности: здесь присутствуют недогадливость, бестолковость, наивность, бессмысленность, необдуманность, безрассудство, нелепость, незнание и недостаток опыта (см.: [Даль 1998, т. 1: 358; Шушков 2008: 116; ССРЛЯ, т. 3: 149; ССРЛЯа, т. 3: 149; СРЯ, т. 1: 317; Кузнецов 1998: 210; Ефремова 2001, т. 1: 315]). Представлены здесь и параметрические характеристики интеллекта – скорость и глубина: «дурак – тупой человек» [СРЯ, т. 1: 453]; «глупый – отличающийся неглубоким, поверхностным содержанием» [Ефремова 2001, т. 1: 315].

В словарных толкованиях глупости обращает на себя внимание тот факт, что её показатели характеризуют главным образом «социальный интеллект» личности (см.: [ПС 2004: 153]) как умение вести себя подобающим

образом в межличностных отношениях, что проявляется, прежде всего, в речах и поведении – словах и поступках: «глупый – о *речах* или о *деле*: безрассудный, бестолковый, неразумный, нерассудливый» [Даль 1998, т. 1: 358]; «глупый – бессмысленный (о *поступках, поведении, словах*), разг. нелепый, неуместный» [ССРЛЯ, т. 3: 149; Ефремова 2001, т. 1: 315]; «дурным называют глупого человека, чье *поведение* и *ход мыслей* часто непредсказуемы» [Шушков 2008: 116].

Если в синонимических словарях «глупый» и «дурак» разводятся лишь по степени обладания интеллектом, то в толковых словарях последний отмечен стилистически, принадлежностью к бранной лексике («бранно» – [ССРЛЯ, т. 3: 1161 Кузнецов 1998: 288]; употребляется как бранное слово – [СРЯ, т. 1: 453; Ефремова 2001, т. 1: 432]). И единственно в словаре С. А. Кузнецова приводится обычно табуируемый в лексикографии инвективный синоним «дурака», экспрессивно завершающий «триаду глупости» («мудак – *груб., вульг.* О нудном, докучливом неудачнике» – [Кузнецов 1998: 561]).

Из медицинской терминологии в толковые словари пришли лексемы «дебил», «идиот» и «кретин» – результат гиперболизации глупости: «дебил – перен. разг.-сниж. Тупой, несообразительный человек» [Ефремова 2001, т. 1: 362]; «идиот – (разг. бран.) глупый человек, тупица, дурак» [Ожегов 1953: 207]; «кретин – перен. разг. Глупый, тупой человек» [Ефремова 2001, т. 1: 737]. «Имбецил» и «Даун» сюда пока еще не дошли. Нужно заметить, что проникновению психиатрической терминологии в литературный язык в какой-то мере способствует наличие у лексемы «дурак» с пометой «устаревшее» значения полного, вненормативного отсутствия интеллекта: «дурак – безумный, юродивый» [Даль 1998, т. 1: 501]; «устар. лишенный рассудка; слабоумный человек; помешанный, сумасшедший» [ССРЛЯ, т. 3: 1161; ССРЛЯа, т. 3: 516]; «дурак – разг. помешанный, юродивый» [Кузнецов 1998: 288]; «дурачок – дефективный умственно человек, идиот (простореч.)» [Ушаков 2000, т. 1: 812]. В современной речи это значение воспроизводится в разговорном названии психиатрической клиники – «дурдом» [ССРЛЯ, т. 3: 516] и «дурка». В то же самое время в психиатрии дебилизм покрывает значение глупости и обозначает её нижнюю границу (см.: [*Справочник]).

Глупость, конечно, большой порок, однако языковое сознание, отраженное в словарях, в определенных случаях находит ей оправдание и относится к ней в достаточной мере снисходительно и даже с жалостью и сочувствием.

Глупость прощительна, прежде всего, из-за юного возраста субъекта и недостатка у него опыта, когда она еще исправима, либо статуса неразумного животного, не осознающего своего интереса: «прилагательное *несмышленный* указывает на незрелость интеллекта субъекта вследствие его незрелости и неопытности» [НОССРЯ 2004: 216]; «*глупый* обычно из-за недостатка опыта: глупый, несмышленный, неразумный»; «*несмышленным* вы ласково называете маленьких детей, животных и т. п., которые из-за недостатка жизненного опыта, своего юного возраста и т. п. еще не способны понять или сделать что-либо» [Шушков 2008: 116]; «*глупый* – в просторечии и обл. неразумный по возрасту, юный, незрелый (о детях и молодых людях)» [ССРЛЯ, т. 3: 149]; «*глупый* – перен. разг. несведущий, наивный (обычно из-за отсутствия жизненного опыта)» [Ефремова 2001, т. 1: 315]; «*дурачок* (обычно в обращении). *Ласково* (обычно о ребенке) о том, кто ошибся, сделал что-нибудь не так» [Ожегов 1953: 155].

Русской жалостью, сочувствием ко всем обиженным жизнью – сирым, убогим, калеченным – объясняется снисходительность к интеллектуальной ущербности, обычно оформленная суффиксально: «*дурачок* – устар. и прост. помешанный, юродивый» [ССРЛЯ, т. 3: 1161; СРЯ, т. 1: 453]; «*дурачок* – (обычно о мальчишке, юноше) слабоумный человек» [Ожегов 1953: 155]; «*дурашка* – *ласк.* в просторечии глупенький, простачок (обычно употр. в обращении)» [ССРЛЯ, т. 3: 1161].

И, наконец, моральная оценка в форме укоризны присутствует в речевом употреблении лексемы «дурачина»: «*дурачина* – дурак, дуралей (с оттенком укоризны)» [Ожегов 1953: 155]; «*дурачина* – (разг. фам. укор.) то же, что дурак, но с большей укоризной» [Ушаков 2000, т. 1: 811].

МУДРОСТЬ

В синонимических словарях мудрость представлена как один из синонимов ума: «**разумный**, благоразумный, рассудительный, *мудрый*, здравый, здравомыслящий, осмысленный, трезвый, целесообразный, рациональный, резонный; **умный**, разумный, благоразумный, понятливый, рассудительный, смысленный, толковый, *мудрый*, мыслящий, здравомыслящий»; «**мудрый** см. разумный, умный» [*Абрамов]; «**умный**, неглупый, *мудрый*, толковый, разумный, башковитый, мозговитый, головастый, умственный» [Евгеньева 2001а: 605]; «**умник**, умница, человек большого ума; разумник; голова; *мудрец*» [Александрова 1986: 562]. В то же самое время в научном дискурсе мудрость и ум (интеллект) категориально разводятся: ум – категория когнитивная, гносеологическая, познавательная способность в чистом виде, мудрость же – категория этическая или (у Аристотеля) «дианозическая» – одна из кардинальных добродетелей (см.: [Этика 2001: 284; Соловьев 1988, т. 1: 187; НФЭ 2010, т. 2: 618]).

Не имея своего собственного синонимического ряда, мудрость обладает достаточно представительным рядом словообразовательным: «мудрость, премудрость, мудрый, премудрый, мудрец, любомудрие, мудрить, мудрила, мудрствовать, мудровать, мудреть, мудреный, умудрить, умудриться, хитромудрый» и пр.

Что касается происхождения корня «мудр-», однозначно индоевропейского, и его первоначального значения, то этимология здесь достаточно неясна – «множественна (многопланова, многомерна), как формулируется это явление М. М. Маковским (см.: [Маковский 2000: 4]): здесь и «сохранять в памяти», и «смотреть на ч.-л.», и «метить», и «учиться», «изучать», «узнавать», и «мочь, побеждать», и «всматриваться» и «усердный», «ревностный» и пр. (см.: [Фасмер 2003, т. 3: 371; Черных 1999, т. 1: 547; Шанский Боброва 2000: 192]). Тем не менее, наиболее вероятной

гипотезой представляется его происхождение от значения «бодрый, ловкий, прыткий, проворный, живой, деятельный», где акцентируются активность и любознательность (родственно лит. *mandrus* «бодрый, гордый, задорный», лтш. *muodrs* «бодрый, живой», д.-в.-н. *muntar* «ревностный, ловкий, живой, бодрый» – [Фасмер 2003, т. 3: 371]; лит. *inaudras, mandrus* «бодрый», «деятельный», «проворный», «умный», «гордый»; латыш. *niodrs, muodrs* «бойкий», «прыткий», «бодрый» – [Черных 1999, т. 1: 547]).

По данным синонимических словарей мудрость отличается от ума по двум признакам – глубине познания и обладания жизненным опытом: «*умный* – обладающий незаурядным умом, *мудрый* – обладающий глубоким умом и большим жизненным опытом» [Евгеньева 2001а: 605].

«Мудрость» в толковых словарях чаще всего дается как «свойство и качество мудрого» [ССРЛЯ, т. 6: 1335] или «отвлеченное существительное к мудрый» [Ушаков 2000, т. 2: 274; СРЯ, т. 2: 308]. Из всех словарных толкований прилагательного «мудрый» можно понять, что мудрый, не говоря уж о мудреце, умнее просто умного, поскольку он обладает «большим умом» [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308; Ушаков 2000, т. 2: 274; Кузнецов 1998: 561; Ожегов 1953: 322; Ефремова 2001, т. 1: 901]. Отличительной чертой человека мудрого от умного выступает обладание не столько интеллектом как чистой способностью к познанию, сколько результатом последнего – знанием, полученным в ходе жизненного опыта (см.: [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308; Ушаков 2000, т. 2: 274; Кузнецов 1998: 561; Ожегов 1953: 322; Ефремова 2001, т. 1: 901]). Этому знанию присущи глубина и обширность («мудрость – обширность, глубина познаний» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «мудрость – глубокое знание, понимание чего-либо» – [СРЯ, т. 2: 308; Кузнецов 1998: 561]) и оно квалифицируется как «высшее» [ССРЛЯ, т. 6: 1335; Ушаков 2000, т. 2: 274; Ефремова 2001, т. 1: 901]. Обладатель подобного знания, как правило, осторожен и предусмотрителен: «мудрый – обладающий дальновидностью» [ССРЛЯ, т. 6: 1335]. Мудрец же – это «мыслитель, философ (чаще времен древности)» [ССРЛЯ, т. 6: 1335] и «учитель жизни (книжн. устар.)» [Ушаков 2000, т. 2: 274].

Наиболее развернутое «дианозическое» (этико-гносеологическое) толкование мудрости приводится в словаре В. И. Даля: «*мудрый* – основанный на добре и истине; праведный, соединяющий в себе любовь и правду; в высшей степени разумный и благонамеренный; *мудрость* – свойство мудрого; премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства; *мудрец* – философ, мудрый муж; человек достигший учением, размышлением и опытностью до сознания высших житейских и духовных истин» [Даль 1998, т. 2: 355–356].

«Мудрость», как уже отмечалось, стоит в одном синонимическом ряду с «умом», «разумом» и «интеллектом и, подобно всем членам этого ряда, оценивается, в целом, положительно как высшее проявление познавательной способности. Тем не менее, в семантике практически всех лексем, производных от корня «мудр-», присутствуют отрицательные оценочные коннотации либо в периферийной части их лексико-семантических вариантов («мудрый», «мудрость», «мудрец»), либо в центральной («мудрить», «мудрствовать», «мудренный»), как это, кстати, происходит и с производными от корня «ум-» («умничать», «умник»). Трудно сказать определенно, откуда это идет и обусловлено ли это внутрисистемными лексическими отношениями либо же историко-культурными причинами – русским «горем от ума» или библейским «Не выставляй себя слишком мудрым: зачем тебе губить себя?» (Ек. 7: 16).

Как представляется, в первом шаге возникновения отрицательных коннотаций у имен «мудрый» и «мудрость/премудрость» связано с их употреблением в качестве характеристики не познающего лица, а объекта познания: мудрый – это такой, для постижения сути которого субъекту требуются особые интеллектуальные способности и приложение значительных интеллектуальных усилий («*мудрый* – сложный, замысловатый; *мудренный*» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «*мудрость* – хитрость, искусство, умение; замысловатость или трудность» – [Даль 1998, т. 2: 355–356]; «сложность, замысловатость» – [Ушаков 2000, т. 2: 274; Ефремова 2001, т. 1: 901]; «о чем-либо мудреном, замысловатом» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308]. Это значение оформляется суффиксально в прилагательном «мудренный»: «*мудренный* – замысловатый, странный, непонятный, трудный, сложный, запутанный, не разгаданный; хитрый, искусный» [Даль 1998, т. 2: 355–356]; «трудный для понимания, выполнения; сложный, замысловатый; замысловато сделанный; затейливый; непонятный, странный, загадочный» [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «непонятный, причудливый, странный; замысловатый, хитро сделанный; трудный, не простой, сложный» [Ушаков 2000, т. 2: 274].

Во втором шаге, очевидно, происходит обратный перенос характеристик познаваемого объекта на способности познающего субъекта, сопровождаемый мыслью о том, что последний слишком уж усложняет намеренно или бессознательно алгоритм познания (*мудрить* – «поступать излишне замысловато» – [ССРЛЯ, т. 6: 1335]; «делать что-либо излишне сложно, искать более сложные решения чего-либо, пренебрегая простыми и ясными путями» – [СРЯ, т. 2: 308; Кузнецов 1998: 561]; «действовать с ненужными сложностями» – [Ожегов-Шведова 1998: 369]; *премудрость* – «то, что трудно или кажется трудным для понимания, усвоения» – [СРЯ, т. 3: 379; Кузнецов 1998: 964]; «*мудрец* – (шутя и ирон.) о том, кто мудрит» – [СРЯ, т. 2: 308]).

И, наконец, оценивается явно неодобрительно стремление субъекта показать себя умнее, чем он есть на самом деле, и, вообще, выставление своих интеллектуальных способностей напоказ – умничание (см.: [Даль 1998, т. 2: 356; ССРЛЯ, т. 6: 1335; Ушаков 2000, т. 2: 274; Ефремова 2001, т. 1: 901; Ожегов 1953: 322; Ожегов-Шведова 1998: 369]). Суффиксально это значение оформляется в глаголе *мудрствовать*: «рассуждать, размышлять о чем-либо излишне глубокомысленно, чрезмерно *умничая*» [ССРЛЯ, т. 6: 1335; СРЯ, т. 2: 308; Ефремова 2001, т. 1: 901]; «делать что-нибудь *умничая*» [Ушаков 2000, т. 2: 274; Ожегов 1953: 322].

ХИТРОСТЬ

Хитрость как личностное свойство представляет собой разновидность «социального интеллекта», реализуемого преимущественно в межличностных отношениях и определяющего успешность прогнозирования поведения людей (см.: [ПС 2004: 153]); специфичность этой разновидности ума состоит, главным образом, в том, что она основана на умении вводить других в заблуждение – обманывать (см.: [Воркачев 2013а 18]).

Соответственно, основные производные от корня «хитр-» («хитрый, хитрость, хитрить») входят, в принципе, в два ассоциативных синонимических ряда: ума и обмана.

В синонимических рядах, открываемых доминантами «ум» и «умный», «хитрость» и «хитрый» отсутствуют, в то же самое время в соответствующих рядах «хитрости», «хитрого» и «хитрить» среди преобладающих показателей обмана встречаются лексемы, связанные с интеллектуальной деятельностью: «**хитрость**, *ловкость*, лукавство, коварство, ухищрение, злоухищрение, вилание, криводушие, выверт, изворот, увертка, уловка, ухватка, прием, обходец, маневр, махинация, тактика, лазейка, предлог, софизм, плутня, проделка; **хитрый**, *хитроумный*, коварный, лукавый, двоедушный, двойственный, вороватый, плутоватый, вилявый, изворотливый, увертливый, уклончивый, предательский, тонкий, дипломатический, стратегический, тактический, скрытный, ехидный, фальшивый»; **хитрить**, *мудрить, мудрствовать*, вихлять, вилать, изворачиваться, увертываться, лавировать, лисить, лукавить, маневрировать, жилить, жильничать, мошенничать, плутовать, *умничать*, фальшивить, финтить, *философствовать*, фокусничать, юлить, вертеть (вилать) хвостом, употреблять увертки, кривить душой» [*Абрамов]; «**хитрость** – *хитроумие*, лукавство, лукавость, плутовство, плутоватость; жуликоватость, шельмовство; **хитрый** – *хитроумный*, лукавый, плутоватый; вороватый, жуликоватый, с хитрецей, с хитринкой, шельмоватый; хитростный» [Александрова 1986: 579].

Этимологические словари возводят происхождение корня «хитр-» к праславянскому хytrb от *хytitī, *хvatatī [Фасмер 2003, т. 4: 240] и указывают, что значение прилагательного «хитрый» в древне-русском языке было положительным: «мудрый», «искусный» и пр.» (см.: [Черных 1999, т. 2: 240]), а развилось оно из значения «хитить» – «ловить, хватать»: «*хитрый* буквально – “хватающий, быстро схватывающий”, затем – “умный, сообразительный, хитрый”». [Шанский-Боброва 2000: 350].

Словарные толкования производных от корня «хитр-» строятся на основании субъектной или объектной направленности его семантики.

Субъектные значения имен «хитрый» и «хитрость» отправляют, с одной стороны, к изначальному для русского языка смыслу, связанному с умением, искусством, мастерством, изобретательностью: «**хитрый**, *Устар. и разг. Изобретательный, проницательный, хитроумный*» [ССРЛЯ, т. 17: 154]; «*Разг. Изобретательный, искусный в чем-л.*» [СРЯ, т. 4: 600]; «**хитрость**, ремесло, мастерство, умение, искусство, художество [Даль 1998, т. 4: 548]; «*Разг. Изобретательность, мастерство, искусность в чем-либо*» [Кузнецов 1998: 1443]. С другой же, они отправляют к этимологически производному и преобладающему в современном языке смыслу, связанному с умением обманывать и вводить в заблуждение: «**хитрый**, злостный, лукавый, коварный» [Даль 1998, т. 4: 548]; «действующий непрямыми, обманными путями; коварный, изворотливый, лукавый» [ССРЛЯ, т. 17: 154]; «скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-либо, лукавый» [СРЯ, т. 4: 600]; «**хитрость**, лукавство, коварство [Даль 1998, т. 4: 548]; «притворство с каким-либо умыслом» [СРЯ, т. 4: 600]; «коварство, изворотливость, лукавство» [Кузнецов 1998: 1443]. Подобный, субъектный смысл передается также одним из значений глагола «хитрить»: «**хитрить**, лукавить, обманывать, вводить других умышленно в ошибки» [Даль 1998, т. 4: 548]; «проявлять хитрость, лукавство»; «ловчить, изворачиваться» [ССРЛЯ, т. 17: 141]; «применять, проявлять хитрость, поступать или говорить с хитростью, не прямо, вводя в обман или в заблуждение» [Ушаков 2003, т. 4: 1148]; «проявлять, применять хитрость, поступать или говорить хитро, вводя в обман или в заблуждение» [Ефремова 2001, т. 2: 935].

Объектные смыслы имен «хитрый» и «хитрость» и глагола «хитрить» образованы, очевидно, проекцией субъективного смысла на предметы, с которыми имеет дело субъект, когда им приписываются свойства сложности изготовления, трудности расшифровки или постижения сути: «**хитрый**, искусный, мудреный, замысловатый, затейливый» [Даль 1998, т. 4: 548]; «требующий особой проницательности, хитроумия, смекалки; исполненный хитроумия, изобретательности; замысловатый, мудреный; с выдумкой, секретом; сложной системы, состава» [ССРЛЯ, т. 17: 154]; «исполненный (исполняемый) с особым мастерством, изобретательностью, хитроумием; требующий их; не простой, мудреный, замысловатый» [Кузнецов 1998: 1443]; «**хитрость**, то, что мудрено, замысловато сделано, исполнено» [СРЯ, т. 4: 600]; «то, что выполнено с мастерством, искусством; о чем-либо неясном, непонятном, имеющем скрытый смысл» [Кузнецов 1998: 1443]; «**хитрить**, мудрить, придумывать замысловатое, хитрое, искусное» [Даль 1998, т. 4: 548]; «мудрить, придумывать что-н. замысловатое, хитроумное» [Ушаков 2003, т. 4: 1148; Кузнецов 1998: 1443]; «придумывать что-либо замысловатое; мудрить» [Ефремова 2001, т. 2: 935].

И, наконец, среди значений глагола «хитрить» присутствует субъектно-объектное значение, аналогично значениям глагола «умничать» и «мудрить»: «**хитрить**, умничать, мудрить; поступать излишне мудрено, замысловато» [ССРЛЯ, т. 17: 141].

Природа хитрости двойственна: лексические единицы, производные от корня «хитр-», как уже говорилось, входят в два ассоциативных смысловых ряда: интеллекта и обмана. Двойственна, амбивалентна и оценочная

составляющая семантики этих единиц: хитрость как характеристика личности может восприниматься и с одобрением, и с осуждением.

Так, *хитрый* человек – это, с одной стороны, человек искусный, изобретательный, проницательный, с другой же – злостный, коварный, изворотливый, идущий непрямыми, обманными путями к достижению цели (см.: [Даль 1998, т. 4: 548; ССРЛЯ, т. 17: 154; СРЯ, т. 4: 600; Кузнецов 1998: 1443; Ушаков 2003, т. 4: 1148; Ефремова 2001, т. 2: 935]), а *хитрец* в словаре В. Даля – это и вовсе «пролаза, проныра, скрытный и двуличный» [Даль 1998, т. 4: 548]. Соответственно, *хитрость* – это мастерство, умение, искусность, изобретательность, умственная ловкость, тонкость и острота соображений и в то же самое время коварство, изворотливость, притворство (см.: [Даль 1998, т. 4: 548–549; СРЯ, т. 4: 600]). *Хитрить* же, с одной стороны, придумывать замысловатое и искусное, с другой – обманывать, вводить других умышленно в ошибки; ловчить, изворачиваться и поступать излишне мудрено, умничать (см.: [Даль 1998, т. 4: 548; ССРЛЯ, т. 17: 154].

Однозначно положительно оценивается хитроумие («**хитроумный** – отличающийся хитрым, изобретательным умом; умением выходить из затруднительного положения; изобретательный и тонкий» – [ССРЛЯ, т. 17: 154; СРЯ, т. 4: 600; Ожегов-Шведова 1998: 862]) и однозначно отрицательно – бранное «хитрожопость» («**хитрожопый** – разг.-сниж. очень хитрый, пронырливый» – [Кузнецов 1998: 1443]).

Как представляется, однако, данные лексикографии за редким исключением не позволяют снять неоднозначность в оценке хитрости как свойства личности. Эта неоднозначность снимается социальным контекстом, где хитрость по отношению к «чужим» – достоинство, а по отношению к «своим» – обман доверия и порок.

Таким образом, наблюдения над лексикографическим представлением смыслов «ум», «глупость», «мудрость» и «хитрость», образующих вершины «аксиологического квадрата», позволяют прийти к следующим заключениям общего характера.

Этимологически «интеллект» по своей «внутренней форме» повторяет семантическую модель «ума»: от чувственного восприятия к восприятию абстрактному – пониманию, тем самым «ум» и «интеллект» в определенном смысле представляют собой этимологические дублиеты. В качестве ядерных единиц, передающих общую познавательную способность в единстве её основных модусов реализации «понимание-мышление-обучение» выступают лексемы «ум, разум, рассудок, интеллект», где место доминанты занимает «ум». Словарные толкования ядерных лексем познавательной способности позволяют говорить об определенной степени «семантического примитивизма» самого этого понятия – «ум, разум, рассудок, интеллект» толкуются, как правило, друг через друга либо через какой-либо из частных модусов реализации познавательной способности. В число дополнительных семантических признаков познавательной способности в лексикографии включаются логика, память и творчество. Эти признаки характеризуют познавательную способность через отсылку к такой предметной области помимо собственно теоретической деятельности, как практика. Они могут также отправлять к параметрическим качествам мыслительных процессов и операций – скорости и глубине. Что касается деления факторов интеллекта на причины и условия, то из числа факторов-причин в лексикографии фиксируются сообразительность, обучаемость, логичность, интуиция, креативность, а из числа факторов-условий – только память.

В лексической системе языка в семантике производных от ядерных имен познавательной способности наблюдается этнокультурное обращение аксиологического знака, обусловленное историческими и социальными причинами. Так, при однозначно положительной характеристике «интеллектуала» и «интеллектуального» в семантике «интеллигента» и производного от него прилагательного «интеллигентский» довольно неожиданно возникают отрицательные коннотации, связанные с общим отношением к интеллигенции в советский период; «умник» в приложении к взрослому человеку в большинстве случаев принимает отрицательные, иронические коннотации и указывает на осуждаемое в русской культуре стремление интеллектуально выделиться, выглядеть «умнее всех»; отрицательные коннотации однозначно фиксируются в семантике глагола «(раз)умничать»; устаревший глагол «умствовать» в современном языке употребляется преимущественно уничижительно; появление отрицательных коннотаций в семантике лексемы «рассудочный» в значении «расчетливый и неэмоциональный» выглядит вполне ожидаемым. Понятие интеллекта как психологического качества личности по полноте признаков противостоит безумию, и в этой оппозиции двух противоположных понятий глупость занимает место третьего члена – «среднего»: если ум – это нормативно средний или высокий уровень обладания познавательной способностью, то глупость – нижняя граница нормы подобного обладания.

В соответствии с законом аксиологической асимметрии число языковых показателей глупости, зафиксированных в лексикографии, значительно превышает число показателей ума. В весьма длинном ряду лексем, характеризующих человеческую глупость вполне определенно выделяется доминантное ядро, представленное основами «глуп-» и «дур-», этимология которых остается в достаточной степени неясной. Глупость на фоне своего положительного противочлена представлена в словарных толкованиях несколько иным набором дополнительных семантических признаков. Словарные показатели глупости характеризуют главным образом «социальный интеллект» личности, который проявляется, прежде всего, в словах и поступках. Языковое сознание, отраженное в словарях, в определенных случаях находит оправдание глупости и относится к ней в достаточной мере снисходительно: глупость у человека прощательна из-за юного возраста и недостатка опыта, у животного – в силу неразумности его статуса. Снисходительность к интеллектуальной ущербности, юродству объясняется русской жалостью, а в речевом употреблении лексемы «дурачина» моральная оценка присутствует в форме укоризны.

В синонимических словарях мудрость представлена как один из синонимов ума; не имея своего собственного синонимического ряда, мудрость обладает достаточно представительным словообразовательным рядом. При всей смутности этимологии корня «мудр-» наиболее вероятной гипотезой представляется его происхождение от значения «бодрый, ловкий, приткий, проворный, живой, деятельный», где акцентируются активность и любознательность субъекта. Из всех словарных толкований прилагательного «мудрый» можно понять, что мудрый умнее просто умного, и отличительной чертой человека мудрого от умного выступает обладание не столько интеллектом как чистой способностью к познанию, сколько результатом последнего – знанием, полученным в ходе жизненного опыта. Хотя «мудрость» стоит в одном синонимическом ряду с «умом» и оценивается, в целом, положительно, в семантике практически всех лексем, производных от корня «мудр-», присутствуют отрицательные оценочные коннотации. Возникновение отрицательных коннотаций у имен мудрости в первом шаге связано с их употреблением в качестве характеристики не познающего лица, а объекта познания, во втором же шаге происходит обратный перенос характеристик познаваемого объекта на способности познающего субъекта, сопровождаемый мыслью о том, что последний слишком уж усложняет намеренно или бессознательно алгоритм познания, и, конечно, оценивается явно неодобительно выставление субъектом своих интеллектуальных способностей напоказ – умничание.

Хитрость как личностное свойство представляет собой разновидность «социального интеллекта», специфичность этой разновидности ума здесь состоит, главным образом, в том, что она основана на умении обманывать. Основные производные от корня «хитр-» входят в два ассоциативных синонимических ряда: ума и обмана. Этимологически исходное значение «хитр-» в древне-русском языке было положительным и развилось из значения «хитить» – «ловить, хватать». Словарные толкования производных от корня «хитр-» строятся на основании субъектной или объектной направленности его семантики: их субъектные значения отправляют как к смыслу, связанному с умением, искусством, мастерством, изобретательностью, так и к смыслу, связанному с умением обманывать и вводить в заблуждение; их объектные смыслы образованы проекцией субъективного смысла на предметы, с которыми имеет дело субъект, когда им приписываются свойства сложности изготовления, трудности расшифровки или постижения сути. Оценочная составляющая семантики производных от корня «хитр-» двойственна и амбивалентна: хитрость как характеристика личности может восприниматься и с одобрением, и с осуждением, а данные лексикографии не позволяют снять неоднозначность в оценке хитрости как свойства личности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1999. URL: <http://www.gramota>, 2003.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Русский язык, 1986.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985.
- Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 5. С. 64–74.
- Воркачев С. Г. Базовая семантика и лингвоконцептология: на стыке парадигм гуманитарного знания. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011a.
- Воркачев С. Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта. Волгоград: Парадигма, 2013.
- Воркачев С. Г. The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. № 4(46). Екатеринбург, 2013a. С. 17–29.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб. : Диамант, 1998.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949.
- Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: в 2-х т. М. : Астрель-Аст, 2001.
- Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. М. : Астрель-Аст, 2001a.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М. : Русский язык, 2001.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 1998.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М. : Политиздат, 1970.
- Маковский М. М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М. : Диалог, 1999.
- НФЭ – Новая философская энциклопедия: в 4 т. М. : Мысль, 2010.
- НФС – Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998.
- НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998.
- ПС – Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М. : Астрель, 2004.
- Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М. : ЮНВЕС, 2004.
- СРЯ – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Русский язык, 1981–1984.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М-Л. : АН СССР, 1951–1965.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. М. : Русский язык, 1991–1994.
- Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М. : Мысль, 1988.

- Справочник невропатолога и психиатра / под ред. Н. И. Гращенкова, А. В. Снежневского // Национальная психологическая энциклопедия. URL: [www.http://vocabulary.ru/dictiona-ry/24/word/oligofreni](http://vocabulary.ru/dictiona-ry/24/word/oligofreni).
- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М. : Прогресс, 1981.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2000.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М. : Астрель-АСТ, 2003.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М. : Русский язык, 1999.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. М. : Дрофа, 2000.
- Шаров С. А. Частотный словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Российский НИИ искусственного интеллекта.
- Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. М. : АСТ-Астрель-Хранитель, 2008.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974.
- Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.